

А. В. СОКОЛОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук,
Заслуженный деятель науки РФ

МЕСТО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ КОНТИНУУМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В 1987 году в одной из своих статей Даниил Александрович Гранин сделал следующий вывод: «Боюсь, что безвозвратно уходит со сцены славная русская интеллигенция. Очевидно, нам предстоит та же структура, которую имеет общество развитого капитализма в других странах, где нет интеллигенции, а есть интеллектуалы. Совершенно иная должность»¹. Правда, сам Гранин сомневается, что «этого хватит». Другие представители постсоветской интеллектуальной элиты в этом не сомневаются и без всяких оговорок пророчат «конец русской интеллигенции». Например, один из лидеров нашей социологии Н. Е. Покровский в статье, многозначительно озаглавленной «Прощай, интеллигенция!», проследив драматическую биографию русской интеллигенции, провозглашает: «Волею исторического случая мы оказались свидетелями и участниками окончательного разрушения интеллигенции и ухода ее с исторической арены... Вместе с интеллигенцией уходит и мир ее идеалов. Ему нет места в новой климатической ситуации»².

Подобные похоронные мотивы обескураживают и ошеломляют. Антропология и культурология, историческая психология, история культуры и научно-технического прогресса всегда радовали нас поступательной эволюцией человеческого интеллекта, расширением круга образованных, творческих, гуманных людей, которых в России традиционно

называли интеллигентами. Интеллигенция — одна из больших социальных групп, выполнявшая важные социально-культурные и духовно-производственные функции, каким образом она может вдруг трансформироваться в иную социальную группу с иной функциональной «должностью» или вообще исчезнуть с исторической арены? Для того чтобы разобраться в этом вопросе, нужно уяснить, что представляет собой *интеллигентность* — то самое качество, которое отличает интеллигентов от неинтеллигентов. Попробуем вывести формулу, определяющую русского интеллигента.

Обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка», где слово «интеллигенция» впервые обозначило особую социальную группу. Формулировка В. И. Даля «интеллигенция — разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» была повторена всеми дореволюционными энциклопедическими словарями. Итак, в качестве признаков «интеллигентности» здесь выступают: во-первых, *образованность*, во-вторых, разумность, умственное развитие, то есть способность к духовному творчеству, или, говоря современным языком, *креативность*. Налицо два бесспорных элемента формулы интеллигентности. Но этого мало.

Русская интеллигенция со времен А. И. Герцена, осудившего мещанство как «последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности»³, отрицала мещанские добродетели. Таковыми считались стяжательство, серость, пошлость, безликость, прислужничество, раболепие,

¹ Гранин Д. Интеллигенция: Что с ней? Где она? // Час пик. 1997. 17 сентября.

² Покровский Н. Е. Прощай, интеллигенция! // На перепутье (Новые вехи): Сб. статей. М., 1999. С. 50.

³ Колокол. 1862. 1 июля.

стремление «быть как все», плоское и трафаретное мышление. Р. В. Иванов-Разумник в 1907 году, осмысливая сущность русской интеллигенции, пришел к выводу, что «интеллигенция и мещанство — это две силы, действующие в диаметрально противоположных направлениях, две непримиримо враждебные силы; мещанство — это та среда, в неустанной борьбе с которой происходил процесс развития русской интеллигенции»¹. Именно антимещанское самоопределение отличает настоящего интеллигента от обывателя. Уже в наши дни М. С. Каган отчеканил афоризм: «Интеллигент — образованный человек с больной совестью»². Таким образом, обнаружился третий элемент формулы: *антимещанское этическое самоопределение*, выражающееся, во-первых, в альтруистической направленности личности; во-вторых, в противостоянии насилию всеми средствами; в-третьих, в благоговении перед культурой.

В результате получилась следующая формула: *интеллигентность = образованность + креативность + антимещанское этическое самоопределение*.

Первые два элемента образуют *интеллектуальность*, состоящую из образованности и креативности. Человек, обладающий свойством интеллектуальности, — именно так и трактуется в англоязычных словарях интеллигент западного образца. Например, в Энциклопедическом словаре английского языка Уэбстера, изданном в 1989 году, можно прочитать следующее: «интеллектуал — крайне рациональный человек, который больше руководствуется интеллектом, чем эмоциями или чувствами». Русский же интеллигент, как показывает формула, руководствуется не только своим просвещенным разумом и развитым интеллектом, но еще и этическим самоопределением, включающим чувства совести, стыда и личного достоинства, а также эмоции сострадания и благоговения. Этическое самоопределение либо вырабатывается самостоятельно — это удел духовно сильных личностей (аристократов духа), либо приобретается путем приобщения к какой-либо интеллигентской субкультуре. В отличие от образованности и креативности — постоянных членов формулы, этическое самоопределение —

переменная составляющая, направленность которой может меняться в широком диапазоне. В каждую историческую эпоху к интеллигенции относятся люди с наиболее сложной духовностью, описываемой формулой интеллигентности. Путем упрощения формулы интеллигента можно получить *формулу интеллектуала*: сохранив качества образованности и креативности, нужно исключить этическую переменную, ибо интеллектуалы, согласно определению, руководствуются разумом, а не эмоциями и чувствами. Если нет в наличии образованности или креативности, то, независимо от уровня этической переменной, получается *формула полуинтеллигента*. Разумеется, нет четкого разделения между интеллигентами, интеллектуалами и полуинтеллигентами, поскольку все составляющие формулы интеллигентности не дискретные, а непрерывные величины. Отсюда следует, что если современное общество ранжировать по признаку интеллигентности, получится *интеллектуальный континуум* с полюсами: неинтеллигент — полуинтеллигент — интеллектуал — интеллигент.

Как свидетельствуют антропологи и историки, интеллектуальный слой обнаруживается во всяком сообществе людей. Создатели языческих культов, племенных мифов и фольклора, первобытные художники и врачеватели — предшественники нынешней интеллигенции; изобретатели копыя, лука, колеса были интеллектуальными гениями и столь же гениальны селекционеры, вырастившие домашних животных и культурные растения. Но это были единицы в невежественной и дикой среде. Интеллектуальный слой, состоящий из достаточно многочисленных профессиональных групп работников умственного труда, появляется в Европе в XVII веке, а в России — во второй половине XIX века. В XX столетии повсеместно происходит интеллектуализация индустриального общества — необходимая предпосылка его становления и развития. Увеличивается количество разнообразных специалистов, занятых в традиционных отраслях духовного производства — народном образовании, государственном управлении, науке, книжном деле, литературе, журналистике, искусстве, а также во вновь возникающих коммерчески ангажированных областях — рекламе, связях с общественностью, маркетинговой коммуникации, телекоммуникации, прикладной информатике и т. д.

Количественный рост интеллектуального слоя сопровождается, во-первых, массовым производством профессионалов умственного труда, которых стали называть «интеллигентами», «интеллектуалами», иногда — «обра-

¹ Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. Т. 1: Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. Спб., 1907. С. 16.

² Каган М. С. Воспроизводство российской интеллигенции как педагогическая проблема // Формирование российского интеллигента в университете. СПб., 2000. С. 130–133.

зованцами» (естественным следствием массовости стала девальвация социального статуса интеллигентских профессий); во-вторых, социально-функциональной дифференциацией интеллектуального слоя на:

— элиту, обладающую способностями и возможностями реально создавать новые духовные ценности;

— специалистов-исполнителей — образованных и квалифицированных людей, непосредственно удовлетворяющих духовные потребности общества;

— вспомогательный обслуживающий персонал.

Теперь обратимся к интеллектуальному континууму. Очевидно, что вспомогательный обслуживающий персонал рекрутируется из числа полуинтеллигентов, в крайнем случае — неинтеллигентов. Интеллектуальную элиту и обширный корпус специалистов-исполнителей образуют интеллигенты и интеллектуалы, обладающие в равной мере образованностью и творческими способностями, но различающиеся этическим самоопределением. Если «интеллигенция уходит», то культурная элита и следующие вслед за ней специалисты-исполнители будут представлять собой мещански ориентированных эгоистов, не пренебрегающих любыми средствами для достижения своих личных целей. Ясно, что подобная духовная трансформация означает гибель русской духовной культуры, а вероятно, и государственной целостности и независимости страны. Как предотвратить «уход интеллигенции»? Для этого нужно активизировать *механизм воспроизводства русской интеллигенции*.

Традиционно этот механизм образовывали два коммуникационных канала: во-первых, документный канал, включающий художественную литературу, журналы и газеты, неопубликованные произведения, в том числе «тамиздат» и «самиздат»; во-вторых, канал устного общения, охватывающий семейный круг, различные интеллигентские кружки (вспомним народников и марксистов конца XIX века), наконец высшую школу — *alma mater* русской интеллигенции. Первый канал в постсоветской России коммерциализировался и представляет собой скорее средство дезинтеллектуализации общества, чем его интеллектуализации. Интернет и другие достижения электронной коммуникации служат целям глобализации, а не возрождения русской интеллигентности. Второй канал не столь безнадежен. Интеллигентские кружки, правда, сейчас вышли из моды, сила же семейных традиций высока по-прежнему, хотя проблема «отцов и детей» вовсе не снята с повестки дня и далеко не все «отцы» интеллигенты.

Главную и решающую роль в механизме воспроизводства русской интеллигенции в наши дни может сыграть *только высшая школа*.

Постсоветская высшая школа оказалась перед выбором стратегии своего развития из двух альтернатив:

— *гуманистическая* — целеустремленно продолжающая в новых условиях традиции народного просвещения и воспроизводящая педагогическими методами альтруистически и патриотически ориентированных русских интеллигентов согласно формуле интеллигентности;

— *маркетинговая* — состоящая в предоставлении образовательных услуг в соответствии с платежеспособным спросом. Школа становится органичным звеном рыночной системы, обеспечивающим подготовку интеллектуалов, способных в условиях конкурентной борьбы сделать успешную карьеру, создать свою фирму, обеспечить ее процветание и т. д. Вместо гуманистического воспитания предполагается психологический тренинг, развивающий технократическое мышление.

Какая стратегия предпочтительнее? С точки зрения коммерческой рентабельности выгоднее вторая, раскрывающая соблазнительные перспективы расширения платного обучения. Не удивительно, что лишённые государственной поддержки вузы в меру своей предприимчивости успешно эксплуатируют открывшиеся возможности. При этом прогрессивно мыслящие педагоги ссылаются на то, что «нам нужны не интеллигенты, а интеллектуалы — люди, исповедующие универсальную прагматику, а не метафизику и поэтику бытия»¹.

С точки зрения долгосрочных интересов России предпочтительнее первая альтернатива, потому что она, в конечном счете, нацелена на всестороннее развитие творческого потенциала образованных людей, на преодоление морально-нравственного кризиса в нашей стране. Но государственная власть необъяснимым образом игнорирует интересы своего государства. Студенты же раскололись на две группы: эгоистов-интеллектуалов устраивает маркетинговая стратегия (заплатил деньги — получи образовательные услуги и вузовский диплом); будущих интеллигентов тревожит дегуманизация и утилитаризация *alma mater*, и они ностальгически вспоминают о прошлых студенческих поколениях. Окончательный выбор и, разумеется, ответственность за него остается за педагогическими коллективами вузов.

¹ Гречко П. Гуманитаризация: проблемы без перспективы // *Alma-mater*. 1998. № 8. С. 31–32.